

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МОНГОЛЬСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ
В АКАДЕМИЧЕСКИХ
СОБРАНИЯХ РОССИИ**

Доклады научной конференции

Издание подготовили
И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова

Санкт-Петербург
2000

С. Г. Кляшторный

**ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СПбФ ИВ РАН
(ОТКРЫТИЯ И НАХОДКИ Д. А. КЛЕМЕНЦА)**

Отчет о рекогносцировочном археологическом маршруте по Центральной и Северо-Западной Монголии и по Урянхайскому краю (Туве) летом 1891 г. бывший воспитанник физико-математического факультета Петербургского университета, бывший народоволец, политический ссыльный и консерватор музея Восточно-Сибирского отдела Географического общества Дмитрий Александрович Клеменц прислал своему начальнику по орхонской экспедиции академику В. В. Радлову зимой 1893 г.

Археологический дневник Д. А. Клеменца оказался образцовой научной работой и впоследствии, в 1898 г., Академия наук вновь поручила ему археологическое обследование — на этот раз Восточного Туркестана. А памятным летом 1891 г. Д. А. Клеменц стал ближайшим сотрудником В. В. Радлова и исполнителем самых трудных его заданий.

Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. Клеменцем, — установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами — не решены окончательно и поныне. Но первый вариант ее решения был предложен В. В. Радловым в немалой степени под влиянием наблюдений Клеменца.

В цепи памятников, исследованных тогда Клеменцем, оказалась и группа курганов верстах в пяти от северного конца Ихе-Ханын-нора.

Соседство обширного городища, остатков каменных гробниц, богато украшенных орнаментом, и рунической надписи привлекло внимание Клеменца и побудило его дать первую атрибуцию всего комплекса памятников, основанную на вполне логичном сопоставлении с подобным же комплексом, хотя и большим по объему — древней-гургским городищем Карабалгасун, близ которого Н. М. Ядринцевым был обнаружен замечательный трехязычный памятник.

«Могилы, которые находятся не вдали от этих развалин, могилы с разнообразными письменами, с каменными бабами заставляют нас, — писал Клеменц в свое дневнике, — признать эти развалины одновременными с древними Орхонскими (т. е. с Карабалгасуном. — С. К.) впредь, пока не будет доказано противного».

В 1927 г. Бальджи Бамбаев, сотрудник этнолого-лингвистического отряда Комиссии по изучению Монголии и Танну-Тувы, вновь обнаружил могильник и надпись, а также огромное городище близ них: «В трех верстах от развалин города видел тюркское погребение с орхонской надписью, что в прошлом году было раскопано местными монголами с целью найти клад». Погребальное сооружение, таким образом, было уничтожено, а надпись Б. Бамбаев сфотографировал, сделал эстампаж и прорисовку; вместе с его отчетом сохранилась лишь последняя.

Открытие Ихе-Ханын-норской надписи стало первым самостоятельным эпиграфическим открытием Д. А. Клеменца в Монголии. Текст был отлично описан и скопирован им вместе с окружающим археологическим комплексом. Мне довелось повторить обследование этого комплекса в 1974 г., после чего новое прочтение и интерпретация текста позволили установить, что для древнетюркской археологии надпись имеет отнюдь не маловажное значение. Она не только дала ключ к дешифровке тюркской терминологии, связанной с поминальными сооружениями, но и выявила состав и характер погребального дара, посвященного родичами и близкими умершему герою.

Маршрут 1891 г. был продолжен в Северо-Западной Монголии, а затем в Туве.

Эстампажи 14 рунических надписей, сделанные Д. А. в Туве, во время тяжелейшего, но плодотворного маршрута 1891 г., были использованы В. В. Радловым при издании

его «Атласа древностей Монголии», а ныне хранятся среди прочих, в составе коллекции эстампажей Орхонской экспедиции, в рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

В 1896 г. Русское географическое общество передало Азиатскому музею мешок с обрывками древних рукописей, собранных или купленных в Турфанском оазисе экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1893—1895). Эти рукописные обрывки из пещерных монастырей близ Туюк-мазара и из развалин Идикутшари были первоначально разобраны А. О. Ивановским и С. Ф. Ольденбургом, а затем, в декабре 1896 г., просмотрены академиком В. В. Радловым, выделившим из коллекции четыре древнеуйгурских фрагмента. Отмечая, что фрагменты слишком малы для идентификации, В. В. Радлов все же указал на наличие двух разных групп текстов — деловых записей, выполненных трудночитаемым курсивом, и буддийских сутр в каллиграфическом исполнении.

Открытие рукописей побудило В. В. Радлова, совместно с В. Р. Розеном и К. Г. Залеманом, ходатайствовать перед Академией наук о направлении в Турфанский оазис специальной экспедиции «для исследования главным образом Туюк-мазара и Идикутшари, а по возможности и древностей других мест Турфанского края». Главным объектом исследований должен был, по мнению В. В. Радлова, стать Идикутшари, «столица уйгурско-буддийской культуры», где следует искать «древнейшие тюркские языковые памятники».

В Турфанском оазисе Д. А. Клеменц стал поистине первооткрывателем древностей севера Восточного Туркестана.

Одним из важнейших результатов экспедиции Д. А. Клеменца стало открытие значительного числа эпиграфических и рукописных текстов, в том числе и древнетюркских, копии или оригиналы которых были доставлены в Петербург. Отмечая достигнутые Д. А. Клеменцем «блестящие результаты при очень ограниченных средствах», В. В. Радлов выделяет пять категорий письменных памятников, обнаруженных экспедицией: а) древнетюркские рунические надписи, процарапанные в пещерных буддийских храмах; б) древнеуйгурские надписи, выполненные черной и красной краской на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; в) фрагменты древнеуйгур-

ских буддийских рукописей; г) фрагменты буддийских ксилографов; д) древнеуйгурские хозяйственные документы. По результатам экспедиции В. В. Радлов осуществил первую публикацию древнетюркских письменных памятников из Восточного Туркестана — четырех рунических граффити, двух юридических (хозяйственных) документов и двух небольших фрагментов буддийских сутр.

Находками В. И. Роборовского, П. К. Козлова и Д. А. Клеменца было положено начало одному из богатейших в мире древнеуйгурскому собранию рукописей Азиатского музея — Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. А за Д. А. Клеменцем прочно утвердилась слава одного из создателей материальной базы современной тюркологии.

Значительный фонд зарисовок, эстампажей и полевых записей, сделанных Д. А. Клеменцем во время его центральноазиатских экспедиций (Монголия, Тува, Восточный Туркестан) составляет весомую часть материалов первооткрывателей древнетюркских рунических памятников, хранящихся в рукописном отделе и Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Все материалы Д. А. Клеменца являются плодом его активного участия в полевых исследованиях Орхонской и Турфанской экспедиций Императорской Академии наук. Несмотря на то что большая часть этих материалов опубликована на русском и немецком языках, опыт изучения их архивных оригиналов показывает немалые возможности извлечения весьма существенных подробностей, меняющих трактовку или аспект рассмотрения старых находок. Археологический дневник Д. А. Клеменца сам по себе является образцовой научной работой. Он хранит черновые варианты отчетов, посылавшихся им академику В. В. Радлову — его начальнику по Орхонской экспедиции. Впоследствии Д. А. К. стал ближайшим сотрудником и исполнителем самых трудных его заданий. Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. К., — установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами — не решены окончательно и поныне. Дневники Д. А. К. обнаруживают, что первый вариант решения этой проблемы, предложенный Радловым В. В., в немалой степени был сделан под влиянием наблюдений Клеменца.

Новое обращение к архиву Д. А. Клеменца позволяет гораздо шире, чем было принято, интерпретировать историко-культурную значимость надписи Ихе-Ханын-нор, открытой Д. Клеменцем в 1891 г., и надписи Хэнтэй, открытой им в 1895 г. В свете архивных материалов существенно повышается оценка дневниковых записей Д. Клеменца во время Турфанской экспедиции 1848 г.

S. G. Klyashtorny

**COLLECTION OF OLD TURKIC INSCRIPTIONS
AT THE SP BRANCH OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL
STUDIES: KLEMENTS' CONTRIBUTIONS**

A significant collection of sketches, stone rubbings, and field notes made by D. A. Klements during his Central Asian expeditions (Mongolia, Tuva, Eastern Turkestan) comprises a substantial part of the materials gathered by the first discoverers of ancient Turkic runic inscriptions and today held in the Manuscript section and Archive of Orientalists at the SP Branch of the IOS. All of D. A. Klements' materials represent the fruit of his active participation in field research on the Orkhon and Turfan expeditions of the Imperial Academy of Sciences. Despite the fact that most of these materials have been published in Russian and German, experience shows that the study of archival originals provides ample opportunities to extract extremely significant details capable of changing our interpretation and view of old finds.

D. A. Klements' archeological diary is in and of itself an exemplary scholarly work. It preserves the rough drafts of essays he sent to academician V. V. Radlov, his superior on the Orkhan expedition. D. A. Klements later became his closest collaborator and carried out his most difficult missions. The questions which were posed to D. A. Klements – to determine connections between ancient Turkic culture in Central Asia and Southern Siberia and to find the archeological border between the two regions – have still not been answered definitively. His diaries reveal the first version of a solution to this problem,

proposed by V. V. Radlov and heavily influenced by the observations of Klements.

A new look at the D. A. Klements archive allows us to broaden significantly our interpretation of the historical-cultural significance of the Ikhe-Khanyn-nor inscription, discovered by D. Klements in 1891, and the Khentei inscription, which he discovered in 1895. These archival materials substantially enhance our evaluation of the diary entries made by D. Klements during the Turfan expedition of 1848.
